

УДК 336.717.13; 316.43

Противоречивость мировой финансовой архитектуры как предтеча текущего системного кризиса

В. Н. Иванова*Институт социологии Российской академии наук**E-mail: vn_ivanova@mail.ru**Научная статья*

В статье рассмотрены перспективы развития глобального системного кризиса с учетом фундаментальных противоречий в финансовой сфере. Обосновывается возрастающая неопределенность в динамике международных и внутристрановых финансовых потоков, а также необходимость учета при построении экономических прогнозов решений в военно-политической сфере. Анализируется процесс развертывания борьбы за мировые сырьевые ресурсы и рынки их сбыта.

Ключевые слова: финансовая архитектура; системный кризис; фундаментальные противоречия; рента; экономический рост; углеводородное сырье; технический прогресс; цены; рецессия

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

Девять с лишним лет назад мировая экономика вступила в период так называемой «великой рецессии». Попытки монетарных властей развитых стран смягчить последствия экономического кризиса не увенчались успехом. Несмотря на дешевизну денег, банки не спешат выдавать, а компании реального сектора – брать кредиты, долговая нагрузка ряда стран достигла уровня, вызывающего вопросы о возможности экономического роста, уровень занятости ниже оптимального, а инфляция в этих странах – ниже целевого показателя. В России инфляция в 2016 году составила 5,4 %, таким образом, ощутимо приблизившись к отметке в 4% как целевому показателю. Американские экономисты из числа сотрудников Федеральной резервной системы (ФРС) США утверждают, что это произошло из-за недооценки влияния демографического фактора [1]. Это само по себе уже большое новаторство, ставящее именно демографию, а не налогово-бюджетную или денежно-кредитную политику, технологический бум либо изменения в производи-

Для цитирования: Иванова В. Н. Противоречивость мировой финансовой архитектуры как предтеча текущего системного кризиса // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 3. С. 248–254.

For citation: Ivanova V. N. The Inconsistency of the Global Financial Architecture as the Forerunner of the Current Systemic Crisis. *Social'nye i humanitarnye znaniya*. 2017; 3 (3): 248–254. (in Russ.)

The Inconsistency of the Global Financial Architecture as the Forerunner of the Current Systemic Crisis

V. N. Ivanova*Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences**Scientific article*

In the article prospects of development of global system crisis are considered taking into account fundamental contradictions in the financial sphere. The growing uncertainty in the dynamics of international and intra-country financial flows, as well as the need to take into account in the construction of economic forecasts of decisions in the military-political sphere, is substantiated. The process of developing the struggle for world raw materials and their markets is analyzed.

Keywords: financial architecture; systemic crisis; fundamental contradictions; rents; economic growth; hydrocarbon raw materials; technical progress; prices; recession

тельности труда на первое место в причинах замедления мирового экономического роста. Ведь до сих пор в США считалось само собой разумеющимся объяснять кризисы ошибками в монетарной политике или чрезмерной долговой нагрузке.

Тем не менее абсолютизировать только лишь демографический фактор отнюдь не правомерно.

Во-первых, существует как минимум еще пять факторов, «работающих» в том же направлении, т. е. по снижению экономического роста [2], свойственных именно США. А во-вторых, само снижение экономического роста – это всего лишь количественный показатель – и связывать его напрямую с мировым системным кризисом, носящим качественный характер, некорректно. Объяснять такой достаточно банальной причиной, как демографический фактор, сам мировой кризис опрометчиво, поскольку ложные причины влекут за собой неэффективные, а то и вообще противопоказанные на практике методы по его купированию. Причинами такого масштабного кризиса могут быть только фундаментальные сдвиги в хозяйственной мировой практике, источниками которых, в свою очередь, являются цивилизационные фундаментальные противоречия. А приравнивание падение темпов экономического роста к собственно системному кризису неизбежно приводит к подмене причины следствием, как это и произошло в указанном выше исследовании ФРС. В итоге с кризисом предлагается бороться активизацией совокупного спроса через такие меры, как поздний выход на пенсию, стимулирование карьеры и частичной занятости, развитие иммиграции, которые смогут смягчить эффект старения населения [1]. Это, конечно, меры своевременные и правильные, но купировать кризис они не смогут. Для этого следует как минимум четко представлять его первопричину.

Приведем, на наш взгляд, убедительную на сегодня фундаментальную причину указанного выше текущего системного кризиса: *это переход от главенства технологической ренты как источника сверхдохода и как базы для накоплений к приоритету ренты сырьевой, а также традиционной – капиталистической* [3]. Именно этой фундаментальной причиной можно объяснить структурность текущего кризиса, сочетающего циклический кризис перепроизводства и кризис инфляционной модели экономического роста, основанный на перекредитовании капиталозбыточной экономики [4]. Приоритет или, точнее, доминирование технологической ренты в системе мирового разделения труда, со своей стороны, является предпосылкой для сложившейся инфляционной модели экономического роста, а смена этого приоритета как раз и привела к реализации третьего этапа глобального кризиса – кризиса внешней задолженности промышленно развитых стран. Все это касается основной причины кризиса.

Остановимся теперь на фундаментальном противоречии, которое породило эту причину и которое, в свою очередь, само в процессе преодоления кризиса возможно будет разрешено. Это *конфликт между глобальным характером финансов и национальными рамками их регулирования* [5]. Или в другой формулировке: *мировая финансовая система за последние 30 лет по своему характеру стала глобальной и частной по форме собственности участвующих в ней субъектов* [6]. В еще более простой формулировке это звучит так: *противоречие между функцией доллара (в определенной степени и евро) как мировой валюты и одновременно его принадлежность к валюте национальной*.

Это фундаментальное противоречие, назовем его *первичным* для удобства наших дальнейших сравнений и выводов, является, в свою очередь, объяснением того, что текущий системный кризис часто выглядит (особенно на его начальном этапе) как чисто финансовый, поскольку именно противоречие в финансовой сфере явилось квинтэссенцией всех текущих мировых хозяйственных катаклизмов. Ниже мы более детально еще остановимся на первичном противоречии и попытаемся обрисовать пути его разрешения, а пока остановимся на еще одном противоречии в финансовой сфере, назовем его *вторичным*, для которого также придется отыскивать разрешение в рамках преодоления текущего системного кризиса. Это противоречие уже внутри стран Евросоюза (ЕС), оно является «рукотворным» и звучит так: *евро как единая валюта без единой финансовой системы* [7]. Такая конструкция возникла при подготовке Маастрихтского договора: страны ЕС, согласившись пожертвовать национальным суверенитетом в денежной сфере, не собирались отдавать полномочия Брюсселю в области экономической политики. До кризиса эта конструкция выдерживала нагрузку, но потом ее несостоятельность стала оче-

видной [8]. Мы называем это противоречие в финансовой сфере вторичным, поскольку появление самого ЕС было вызвано именно существованием доллара как валюты-доминанты и желанием европейских стран с ним успешно конкурировать. Само же существование валюты-доминанты является следствием проявления первичного противоречия в финансовой сфере. Первичное противоречие будет постепенно само собой сглаживаться по мере угасания значимости технологической ренты в мире, а вот вторичному противоречию еще предстоит долгое существование, и его сглаживание в будущем должно привлекать самое пристальное внимание.

Поскольку противоречивость самого доллара именно в том, что он одновременно выполняет функцию национальных денег США и функцию денег мировых в форме валюты-доминанты, то именно по этой причине одним из актуальных вопросов экономической теории и практики, широко обсуждаемых сегодня, является разработка проектов реформирования мировой финансовой архитектуры (МФА) – системы международных валютных, кредитных и финансовых институтов. Объективные предпосылки реформы стали складываться с углублением глобального финансового кризиса 2008–2010 гг., который можно определить как общий кризис МФА [6]. Развитие кризиса подталкивает реформирование МФА, а последнее на фоне обострения проблем с международными финансами предполагает выявление причины этого кризиса.

Здесь уместно будет остановиться на методологической основе финансового противоречия, названного нами первичным, – это наличие лишь одной точки роста в процессе саморазвития любой открытой системы, точнее, единственной точки бифуркации. Вспомним, что и человек как вид, по наиболее распространенной теории, появился в виде австралопитека около 3 млн лет назад только в одной местности – на северо-востоке Африки, и уже потом ареалом его потомков в виде питекантропов, неандертальцев и кроманьонцев стали Европа, Азия и впоследствии Американский континент. И только несколько тысяч лет назад появилась, как принято называть, человеческая цивилизация. Географические места происхождения почти всех растений, окультуренных сегодня, расположены в семи компактных ареалах, как следует из учения о центрах происхождения культурных растений, созданного ученым-генетиком Н. И. Вавиловым. При этом конкретное растение имеет только один-единственный центр из семи. Далее – первая успешная попытка цивилизации вырваться из замкнутого круга «расширение-сужение», характерного для всех древних государств и целых цивилизаций, на спиралевидную кривую (в терминах теории техноценозов) за счет использования лошади для вспашки – была возможна только на северо-западе Европы и только в определенный климатический период новейшей истории Земли. Новое в цивилизационном процессе не может появиться сразу в нескольких местах, только в одном месте, откуда оно уже тиражируется в другие. Хотя предпосылки этого нового накапливаются совместно в разных местах. Но прорыв осуществляется только в одном, и это место бывает жестко определено как в пространстве, так и во времени. Так именно получилось и со второй индустриальной революцией, точнее с ее результатом – когда единственная страна, в данном случае это США, сконцентрировала у себя почти весь НТП (научно-технический прогресс). И уже через него диктовала всему миру свою политику, в том числе и в финансовой сфере.

Итак, первичное финансовое противоречие берет начало от законов саморазвития, по своей природе непредсказуемого в направлениях и никогда не повторяющегося ни во времени, ни в пространстве. При этом не надо забывать, что развитие бифуркационных процессов (процессов «расхождения») по историческим меркам – это периоды времени от десятилетий до столетий. Так что целых 50 лет доминирования доллара, хотя и всего лишь миг для истории цивилизации, но для процесса конкретного и законченного саморазвития – период вполне достаточный.

Остановимся на одной важной особенности процесса саморазвития – эффекте последствия. Дело в том, что, хотя наметился процесс смены приоритетов по типам ренты, это далеко не означает, что:

- само противоречие начнет ослабевать;
- возрастут масштабы сырьевой и трудовой ренты.

В действительности будет как раз все наоборот. Противоречие будет только усиливаться, т. к., с одной стороны, роль источника этого противоречия (технологической ренты) будет все время снижаться, а с другой – инерционность системы международных взаимоотношений не позволит еще долго что-то принципиально изменить. Часто бывает, что причины уже давно нет, а процессы, ею вызванные, еще долго продолжают функционировать. При этом противоестественность и даже абсурдность ситуации все время будет только увеличиваться. Что же касается масштабов сырьевой и трудовой ренты как основных источников накоплений в будущем, то эта рента в абсолютном выражении будет обязательно уменьшаться (именно уменьшаться), т. к. бывшие ее масштабы были тесно связаны с масштабом технологической ренты. А это, со своей стороны, еще больше обострит наше первичное противоречие. Можно, конечно, гадать, когда же это противоречие изживет себя либо будет уничтожено в результате какого-либо мирового катаклизма. Но лучше искать решение этого противоречия, понимая при этом, что все найденное будет лишь компромиссом, т. к. фундаментальное противоречие само по себе неискоренимо и неотделимо от цивилизационного развития.

Одним из таких компромиссов является создание валютных союзов по типу еврозоны. Правда, в настоящее время еврозона демонстрирует признаки нездоровья, хотя темпы роста здесь и начинают повышаться после кризисных явлений первого десятилетия века. При этом ключевой проблемой, точнее, вторичным фундаментальным противоречием всех валютных союзов как таковых остаются сложности модели, основанной, как уже отмечалось нами, на единой валюте без единой финансовой системы [7]. Можно предположить, что со временем решение будет найдено, и кризиса евро удастся избежать. Однако надеяться на окончательное разрешение указанного выше противоречия никаких оснований нет. Ведь страны, входящие в любой валютный союз, никогда не жертвуют своим экономическим суверенитетом, в то время как единая валюта всегда будет препятствовать им в проведении самостоятельной курсовой политики. Здесь вся надежда опять же на специфические компромиссы, которые в настоящее время постоянно разрабатываются и активно обсуждаются [9], но пока только в теории.

Если же углубиться в проблему поиска корней этого противоречия, то оказывается, что его корни – в неизбежном стремлении закрепить в развивающейся системе максимум разнообразия во всех его обликах: и в ландшафтном, и в этнокультурном, и по степени детерминированности внутренних процессов, и по размерам составляющих систему элементов. Следствием этого является отсутствие похожих государственных образований по уровню развития, по масштабности, по типу экономической активности. Отсюда – не получается развиваться до единого государства. А без объединения риски и издержки первичного противоречия просто перераспределяются между странами внутри созданного валютного союза, и перераспределяются они, естественно, далеко не по справедливости, т. к. основная тяжесть падает на экономически слабых членов союза.

По аналогии с первичным противоречием сам собой напрашивается вопрос: а как та самая тенденция по смене приоритета ренты скажется на вторичном противоречии? Это противоречие только усилится, но уже не по глубине или по своей абсурдности, как это будет с первичным финансовым противоречием, а по масштабам. Будут появляться новые валютные союзы, сформированные по экономическим интересам, но в каждом из них будет жить вторичное противоречие. Резонно возникает вопрос: а может ли существовать в принципе, пусть компромиссное, но какое-то разрешение сразу обоих описанных нами выше противоречий? На этот вопрос, возможно, ответит будущее развитие мировой цивилизации и, в частности, МФА. А пока остановимся на текущих проблемах и процессах смены мирового лидерства.

Согласно теории циклического развития капитализма, смена одного миропорядка другим сопровождается небывалым ростом финансового сектора в стране увядающего лидера [10]. Исторический опыт показывает, что, исчерпав возможности накапливать капитал за счет извлечения прибыли в реальном секторе, экономика страны-лидера неизбежно переходила в режим разрастания сектора финансовых услуг и спекуляций. При этом дальнейший переход экономической гегемонии к новому лидеру погружает всю мировую экономику в хаос. В XXI веке экономическая гегемония перейдет от США в Китай, а мировому сообществу придется пережить хаос. В этой связи проблемы антикризисного

управления Центральным банком (ЦБ) РФ так же актуальны, как это было в конце 90-х. Ведь финансовый кризис – это в первую очередь кризис исполнения своих функций со стороны ЦБ. Однако одно дело общие исторические тенденции, и совсем другое – конкретные формы их воплощения в данном месте и в данное время. Сегодня США теряют то самое экономическое лидерство вследствие исчерпания ими возможностей в единственном практически лице изымать технологическую ренту почти со всех стран без исключения, как это было еще совсем недавно.

Переход к главенству сырьевой ренты в мировой экономике оборачивается сворачиванием глобализации в ее экспансионистском варианте. Но, как ни парадоксально, начало этому переходу положило не удорожание углеводородного сырья, как наиболее важного, а наоборот – его рыночное обесценивание. Напомним, что высокие цены на нефть стали возможны после глобальных сдвигов в мировой экономике, когда промышленность переехала в Азию, а развитые страны перешли на постиндустриальную экономику услуг. Баланс потребления углеводородов сместился в сторону развивающихся стран, которые в итоге и оплатили рост цен. Сегодня ситуация развернулась в обратную сторону. Америка берет курс на восстановление промышленности в рамках политически подконтрольного ей пространства, так называемого Большого Запада, и наращивает внутреннюю добычу нефти. Это, в свою очередь, заставит страны-экспортеры углеводородов отчаянно конкурировать за рынки сбыта. При этом низкие цены на нефть приведут к росту бюджетных проблем и социальной нестабильности в этих странах, следствием чего станут обострение межгосударственных отношений и распад слабых государств по конфессиональному и национальному признаку, что мы уже видим на примере Ближнего Востока. Ключевой ставкой в новой игре на понижение является восстановление утерянного ранее прямого контроля над источниками сырья. Цена на нефть в очередной раз превращается в политически обусловленную величину. А процесс моделирования будущего из области совместных экономических проектов перемещается в сферу военно-политических решений [11].

Что касается России, то ее экономика двояко зависит от цены на углеводородное сырье. Во-первых, сам курс рубля сильно зависит от цены барреля нефти, а во-вторых, большая часть государственного бюджета России имеет источником выручку от продажи за рубеж все тех же нефти и газа. Но и это еще не все с нефтяными ценами. С 1986 года официальные цены ОПЕК перешли в разряд справочных, а на нефтяном рынке воцарился фьючерс. Объем торгов деривативами на бирже без обязательств поставок начал преобладать над объемом торгов товарной нефтью. Резкий рост торгов так называемой бумажной нефтью произошел сразу после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Биржевые спекуляции заняли 98–99 % рынка, а объем торгов физической нефтью опустился до 2 %. Товарный рынок нефти превратился в один из сегментов глобального финансового рынка, а цена на нефть стала в большей степени зависеть от спроса и предложения денег. То, что рынок вступает в период низких цен до момента выстраивания нового энергетического ландшафта, для России плохо. Но и для США такая ситуация не сладка – ставки ФРС США находятся фактически на отрицательной территории. При этом девальвационный маневр отсутствует, фондовый пузырь давит на экономику Большого Запада изнутри, а искусственно сдерживаемые цены на нефть это давление увеличивают. Из всего этого сам собой напрашивается вывод о том, что прогнозы относительно цен на углеводородное сырье, зависящие сегодня как от масштабов биржевых спекуляций, так и от военно-политических амбиций Запада, делать бессмысленно даже на короткие сроки. А это значит, что риски и неопределенности при управлении ЦБ РФ сильно возрастают. И это все усугубляется тем, что в настоящее время не существует единого набора принципов, определяющих, как ЦБ должен осуществлять функции кредитора последней инстанции, поскольку принципы классического подхода к такому кредитованию перестали отвечать современным условиям функционирования финансового рынка [12].

В заключение остановимся на проблемах трудовой, точнее, традиционной капиталистической ренты, которые встают перед старым мировым лидером в лице США. Напомним, что трудовая рента зависит от вложенного в оплату живого труда капитала, а также от вложенного в овеществленный труд капитала, т. е. в оборудование, патенты,

лицензии, основные фонды и т. п. Из характерных стран, где в значительных количествах извлекается трудовая рента, укажем на Японию, Китай и Южную Корею. При этом у Японии в большей степени произведены и производятся вложения в овеществленный труд, у Китая – в живой труд, а вот у Южной Кореи – и в живой, и в овеществленный труд. Именно поэтому Южная Корея – наиболее успешная страна в мире по извлечению трудовой ренты. И именно из-за этого она становится на сегодняшний день опасным конкурентом для США в вопросе изъятия трудовой ренты, поскольку США взамен теряемых позиций в отношении технологической ренты активно пытаются завладеть источниками как сырьевой ренты (агрессии на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Афганистане), так и ренты трудовой. А на первых порах стараются устранить в этой нише конкурентов. При этом в связи с планами США относительно нанесения превентивного удара по Северной Корее стоит обратить внимание на мнение военного обозревателя Александра Жилина. Он считает, что Северная Корея – это только предлог, а конечная цель всей военной операции американской авианесущей группировки у берегов Северокорейского полуострова, развертываемой в апреле 2017 года, – уничтожение экономики Южной Кореи, которая сегодня занимает слишком большой сектор на мировом рынке и активно теснит американские товары. «Сейчас американцы будут всячески провоцировать северокорейское руководство нанести удар по своему южному соседу. Пентагон, в свою очередь, наносит ответный удар по Пхеньяну «Томагавками», после чего на всем Корейском полуострове возникает масштабный хаос, какой воцарился в Ираке после свержения Саддама Хусейна. В результате сломаны важнейшие институты управления Южной Кореи, а экономика государства лежит в руинах. Более того, учитывая, что Россия граничит с Северной Кореей, наша страна получает замкнутую «петлю Анаконды» в виде конфликтов на Украине, Афганистане и на всем Северокорейском полуострове», – резюмировал военный эксперт [13]. И здесь мы также на сегодня сталкиваемся с военно-политическими решениями в отношении будущего мировой экономики и мирового разделения труда.

Ссылки / Reference

- [1] Виноградова М., Оверченко М. Новый возраст мировой экономики // Ведомости. 31.10.2016 г. С. 20-21.
- [2] Гордон Р. Дж. Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 49-67.
- [3] Иванова В. Н. Рента, валюты и платежные системы в контексте реформирования мировой финансовой архитектуры // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Том 1. № 2. С. 114-122.
- [4] Симонов В. Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 49-68.
- [5] Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 4-24.
- [6] Жариков М. В. Актуальные вопросы реформы мировой финансовой архитектуры // Вопросы новой экономики. 2014. № 2. С. 44-53.
- [7] Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5-31.
- [8] Буторина О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98-115.
- [9] Сапир Ж. Кризис еврозоны и перспективы евро // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 3-18.
- [10] Буев М. Предсказанный хаос // Ведомости. 23.01.2017. С. 7.
- [11] Крутаков Л. Башни Трампа // Русский пионер. № 9 (69). Декабрь 2016 – январь 2017. С. 22-25.

- [12] Андрюшин С., Кузнецова В. Центральный банк как кредитор последней инстанции: новые вопросы теории денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. 2010 г. № 12. С. 70-81.
- [13] Молчанов А. Главная цель США – уничтожить Южную Корею, а не КНДР. URL: <http://vsluh.info/analitika/951-glavnaya-cel-ssha-unichtozhit-yuzhnuyu-koreyu-a-ne-kndr.html>.